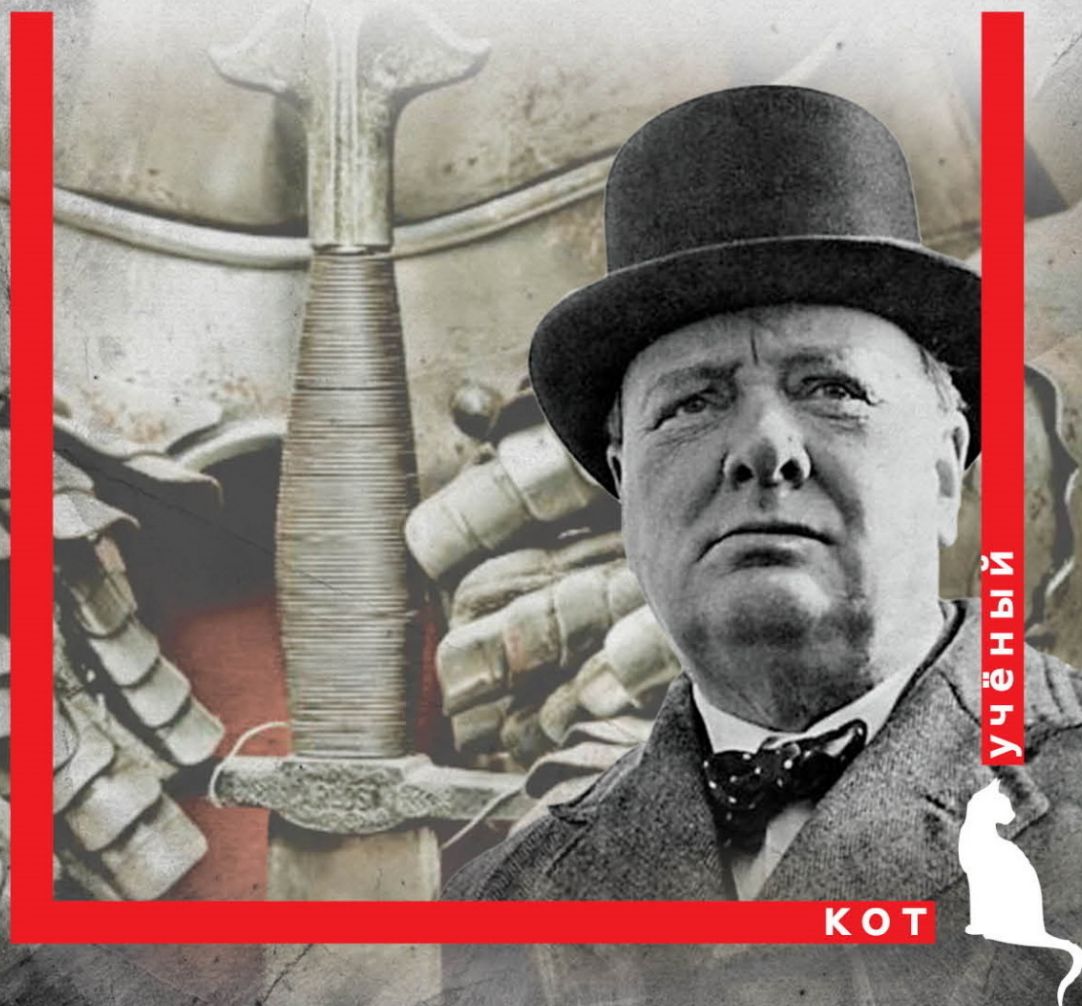

УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЛЬ
РОЖДЕНИЕ
БРИТАНИИ

учёный

КОТ

Кот ученый

Уинстон Черчилль

**Рождение Британии. С
древнейших времен до 1485 года**

«Алисторус»

1956

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Черчилль У. С.

Рождение Британии. С древнейших времен до 1485 года /
У. С. Черчилль — «Алисторус», 1956 — (Кот ученый)

ISBN 978-5-00222-199-8

«Эта книга не претендует на то, чтобы соперничать с работами профессиональных историков. Скорее, ее цель в представлении собственной точки зрения на те процессы, посредством которых англоговорящие народы во всем мире достигли своего особого положения и приобрели особую репутацию», - пишет У. Черчилль, премьер-министр Великобритании в 1940 - 1945 и 1951 - 1955 годах; лауреат Нобелевской премии по литературе. В своей книге он показывает историю Британии с древнейших времен до восшествия на престол династии Тюдоров. Выбрав наиболее значимые события более чем за тысячу лет, Черчилль на их примере разбирает особенности национального характера британцев и подводит читателя к выводу о том, почему этой стране суждено было стать владычицей мира. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00222-199-8

© Черчилль У. С., 1956
© Алисторус, 1956

Содержание

Предисловие	6
Книга I	7
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	25
Глава IV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Уинстон Черчилль
Рождение Британии. С
древнейших времен до 1485 года

© Перевод с английского С.Н. Самуйлова

© ООО «Издательство Родина», 2024

Предисловие

Эта книга не претендует на то, чтобы соперничать с работами профессиональных историков. Скорее, ее цель в представлении собственной точки зрения на те процессы, посредством которых англоговорящие народы во всем мире достигли своего особого положения и приобрели особую репутацию. Я пишу о тех событиях в нашем прошлом, которые кажутся значительными мне, и делаю это как человек, имеющий некоторое знакомство с суровыми испытаниями последних десятилетий.

Я использую термин «англоговорящие народы», потому что нет другого, применимого как к обитателям Британских островов, так и к тем независимым нациям, которые выводят свои истоки, речь и многие институты из Англии и которые ныне сохраняют, развивают и подпитывают их по-своему.

Я прослеживаю историю англоговорящих народов с самых ранних времен до кануна открытия европейцами Нового Света. В 1485 г. новая династия взошла на английский трон. Семь лет спустя в Америке высадился Колумб, и с этой даты берет свое начало новая эпоха в истории человечества.

Каждая нация или группа наций имеет собственную историю. Знание испытаний и трудностей необходимо всем, кто хочет понять проблемы сегодняшнего дня. Познание прошлого не служит стремлению к господству или поощрению национальных амбиций в ущерб миру во всем мире. С надеждой, что знакомство с тяготами и испытаниями наших предков может не только консолидировать англоговорящие народы, но и сыграет хотя бы небольшую роль в объединении всего мира, я и представляю этот труд.

Уинстон Спенсер Черчилль

Книга I

Островная раса

Глава I

Британия

Летом 699 г. от основания Рима, то есть за 55 лет до рождения Христа, проконсул Галлии, Гай Юлий Цезарь, устремил свой взгляд в сторону Британии. Еще ведя войны в Германии и Галлии, он обратил внимание на этот мрачный остров, уже тогда ставший препятствием на пути осуществления его проектов и разжегший его амбиции. Он знал, что эти земли населяют такие же племена, как и те, которые противостояли римскому оружию в Германии, Галлии и Испании. Жители острова помогали местным племенам в последних кампаниях на северном берегу Галлии и принадлежали к тем же кельтским народам, что и они. Но кельтские черты были у них более выражены из-за замкнутой островной жизни. Воины-добровольцы с острова разделили горечь поражения венетов на берегах Бретани за год до этого. Беженцы из быстро завоеванной Галлии нашли теплый прием и убежище в Британии.

Юлий Цезарь. Римская статуя I века до н. э.

Для Цезаря завоевание острова стало частью покорения северных варваров и распространения на них римского правления. Нетронутая земля, не страдающая от избытка лесов и болот, отличалась плодородием. Климат, хотя и далеко не мягкий, был ровным и здоровым. Местные жители, пусть грубые и неотесанные, представляли определенную ценность для использования

в качестве рабов в земледелии, в рудниках и даже для работы по дому. Ходили слухи о жемчуге и золоте, которыми якобы изобилывал остров.

Существовали и другие веские причины для покорения острова. Товарищ Цезаря по Триумвирату, Красс, уже возбудил воображение римского Сената и народа своим ярким и смелым маршем в направлении Месопотамии. Здесь, на другом краю ойкумены, Цезарю предоставлялась возможность совершить нечто столь же дерзкое. Римляне ненавидели море и боялись его. Крайним напряжением сил они за двести лет до этого победили Карфаген на родном для себя Средиземном море, но мысль о высадке римских легионов на далеком, неизведанном, мифическом острове в бескрайнем Северном океане будоражила умы и стала бы темой разговоров во всех слоях римского общества.

Кроме того, Британия была исконным центром религии друидов, которая в разной степени и в разных формах оказывала влияние на жизнь Галлии и Германии. «Те, кто хочет изучить этот предмет, – писал Цезарь, – обычно отправляются с этой целью в Британию». Тамошние друиды не зная жалости приносили отвратительные человеческие жертвоприношения. Таинственные лесные жрецы связывали себя и своих сторонников узами самых ужасных ритуалов, в которых только может участвовать человек. По-видимому, именно там, на деревянных алтарях этого мрачного острова, скрыт один из ужасных и тревожащих воображение секретов, который объединял галльские племена. И откуда только взялся этот жуткий обычай? Не является ли он частью наследия Карфагена, завещанного Западному миру перед тем, как римские легионы разрушили его до основания? Тогда это одна из проблем, не решенных до сих пор. Цезарь был прозорлив, и там, где он побеждал, возникала цивилизация.

Итак, в то лето, за 55 лет до рождения Христа, он вывел свою армию из Германии, уничтожил искусно построенный им самим величественный деревянный мост, перекинутый через Рейн где-то севернее Кобленца, и в течение июля успешно продвигался на запад, к галльскому побережью, примерно в район между современными городами Кале и Булонью.

Цезарь считал бриттов одной из отсталых ветвей кельтских племен, подобных тем, которые он приводил к подчинению в Галлии. С армией из десяти легионов (менее 50 тысяч солдат) он собирался бороться против храброго, воинственного народа, насчитывавшего около полумиллиона воинов. На другом фланге римскому полководцу угрожали германцы, откатившиеся на запад под давлением с востока. Его политика по отношению к ним состояла в том, чтобы отбрасывать их наступающие орды к Рейну каждый раз, когда они вторгались в лежащие за этой рекой области.

Хотя война тогда велась с обеих сторон только закаленным железом и успех зависел лишь от дисциплины и искусства полководца, Цезарь понимал, что он и его солдаты не уступают этим здоровякам. Ему казалось, что рейд на Британию ненамного увеличит трудности и опасности похода. Но на побережье обнаружились новые проблемы: приливы, неизвестные на Средиземном море, шторма, часто и яростно обрушивающиеся на берега. Капитаны римских галер столкнулись с грозной мощью Северного моря. Тем не менее всего лишь за год до этого они, с заметным преимуществом, уничтожили флот стойких прибрежных венетов. Серпами, прикрепленными к концам длинных шестов, римляне перерезали веревки и фалы на отличных парусных судах противника, а abordажные группы перебили экипажи. Они взяли под свой контроль проливы, отделявшие Британию от материка.

Теперь соленая вода была уже не барьером между ними, а дорогой, ведущей к острову. Если не принимать во внимание случайности погоды, приливы и течения, о которых он, по собственному признанию, не мог получить достоверной информации, Юлий Цезарь не видел каких-либо трудностей в осуществлении вторжения на Британию. Тогда еще не было той далекой цепи истерзанных бурями кораблей, которые спустя почти две тысячи лет встали между великим корсиканским завоевателем и господством над миром. Все, что было нужно, – это

выбрать хороший ясный день в августе, забросить несколько легионов на ближайший берег и посмотреть, каков в конце концов собой этот странный остров.

Двигаясь от Рейна через северную Галлию, возможно через Реймс и Амьен, к побережью, Цезарь послал одного из своих людей на боевом корабле на разведку к берегам острова, и, когда он вышел туда, где сейчас Булонь, или, может быть, к устью Соммы, разведчик уже ждал вместе со знающими людьми, кельтскими вождями, торговцами и бриттами-предателями. Сконцентрировав свои силы, разбившие венетов, в двух портах или бухтах, ближайших к Британии, Цезарь стал дожидаться подходящего для десанта дня.

* * *

Каким же в действительности был этот остров, которому впервые в истории предстояло стать единым целым с огромным миром? Уже в двадцатом столетии около Суонскомба раскопали человеческий череп, которому не менее четверти миллиона лет. Биологи находят важные различия в строении черепов современных людей, но нет никаких оснований полагать, что этот далекий палеолитический предок не был способен на все те преступления и глупости, которые во все времена ассоциировались с человечеством.

Очевидно, на протяжении долгого, почти неподвижного времени мужчины и женщины, обнаженные или укрытые шкурами животных, бродили по первозданным лесам и перебирались через широкие топи, охотясь друг на друга и диких зверей, подбадриваемые, как прекрасно говорит историк Тревельян, песнями несметных птиц. Считается, что вся южная Британия могла в тот период прокормить своей дичью не более семисот семей. Вот уж и впрямь венцы творения! Они населяли всю эту чудесную землю и не знали никакой работы, кроме спорта и драки. К тому времени человек уже выяснил, что камень лучше кулака. Люди зарывались поглубже в мел и щебень в поисках подходящих по качеству и размерам кусков кремня для боевых топоров и тем самым обеспечивали себе выживание. Но пока они научились только делать из кремня грубые орудия, обивая их края.

В конце ледникового периода изменения в климате сокрушили культуры охотников древнекаменного века, а по прошествии долгого периода волны вторжений занесли в западные леса неолитическую культуру. Пришельцы владели примитивным земледелием: взрыхляли землю и сеяли семена съедобных трав. Они делали ямы или норы, которые постепенно наполняли отбросами, и для большей безопасности держались вместе. Тогда же были построены земляные ограждения на склонах холмов, куда они загоняли скот на ночь. Уиндмилл Хилл, около Эйвбери, иллюстрирует попытки этих примитивных инженеров, пытавшихся защитить стада и людей. Более того, неолитический человек изобрел способ шлифовать камень, придавая ему необходимую для убийства форму. Это означало большой прогресс, но впереди были и другие изобретения.

Похоже, что в то время «вся Западная Европа была населена расой долихоцефалов, несколько различающихся внешне, и особенно цветом кожи, вероятно, более светлым на севере и более темным на юге, но в основном похожих. В эту область «длинноголовых» вклинились гонимые с востока «круглоголовые» пришельцы, известные антропологам как «альпийская раса». Но все же большинство хлынувших в Британию людей принадлежали к западноевропейскому «длинноголовому» типу, и поэтому они в общем имели сходство с людьми, уже жившими там; следовательно, несмотря на различия среди разнообразных пришельцев, в Британии существовала тенденция к установлению и поддержанию относительного единообразия «длинноголового» типа».

Огромное большинство черепов, найденных в Британии, какой бы век мы ни взяли, принадлежит к длинно— или среднеголовому видам. Тем не менее известно, что народ культуры

колоколовидных кубков и другие «круглоголовые» племена проникали в разных местах на остров и упрочивали свое положение как одного из основных элементов населения.

Кремация, принятая почти повсеместно в период позднего бронзового века, уничтожила все свидетельства смешения длинноголовых и круглоголовых людей, но, несомненно, оба типа сохранялись, и на основании более поздних свидетельств, когда в римские времена кремация сменилась захоронением, антропологи старшей школы утверждают, что способны обнаружить характерный романо-британский тип, хотя он, возможно, установился еще до римского завоевания. Правда, дальнейшие исследования поставили под сомнение это утверждение.

В давние времена Британия была частью континента. Ее соединяла с Голландией широкая долина, где Темза и Рейн встречались и несли свои воды на север. После какого-то легкого сдвига земной поверхности эта долина опустилась на несколько сот футов и открыла доступ океану к Северному и Балтийскому морям. Океанские волны и приливы промыли Дуврский пролив и Английский канал. Когда случился этот громадный разрыв? До последнего времени геологи относили его к периоду задолго до появления неолитического человека. Но изучение слоев глины, отложений норвежских ледников показывает слой за слоем и год за годом, какой была погода, и к тому же современная наука нашла другие методы счета веков.

На основе этих и других данных были созданы временные и климатические шкалы, охватывающие с допустимой точностью много тысяч лет доисторического времени. Эти шкалы позволяют определить, когда в результате некоторого смягчения климата дубовые леса сменили хвойные, а окаменелая растительность дает дополнительные детали. Сети траулеров приносят со дна Северного моря фрагменты деревьев, и те, помещенные на климатическую шкалу, показывают, что дубы росли на 60 морских саженей ниже нынешнего уровня моря менее 9 тысяч лет тому назад, когда строились пирамиды и ученые египтяне старательно исследовали древние руины Саккары. Британия все еще оставалась чем-то вроде выступа Европы или же отделилась от нее узким приливным потоком, постепенно увеличившимся до Дуврского пролива.

Тогда же, когда наш нынешний остров еще был соединен с континентом, произошло другое великое усовершенствование в человеческих методах разрушения. Стали известны медь и олово, и их открытие взбудоражило мир. Первая была слишком мягкой, а второе – слишком хрупким для изготовления оружия, но, смешанные человеческим гением, они открыли Бронзовый век. Люди, вооруженные бронзовым оружием, могли одолеть тех, кто имел кремневое. Это изобретение приветствовалось, и Бронзовый век вступил в свои права.

Нашествие, или, скорее, проникновение бронзовых орудий и оружия с континента заняло многие столетия, и лишь по прошествии двадцати или тридцати поколений стали заметны какие-то изменения. Профессор Коллингвуд нарисовал нам картину позднего Бронзового века. «Британия, – говорит он, – в целом была отсталой страной по сравнению с континентом, примитивной, застойной и пассивной, получавшей большую часть плодов прогресса в результате вторжений и вывоза из-за морей. Ее население жило либо изолированными хозяйствами, либо в деревнях, расположенных главным образом на каменистых берегах рек или на возвышенностях, таких, как меловые холмы и оолитовые плато, которые к тому времени в значительной степени лишились естественной растительности.

Каждое поселение окружали небольшие поля, возделываемые то ли сохой, вроде той, которой еще недавно пользовались арендаторы на Гибридах, то ли – в лучшем случае – легким плугом, рыхлившим почву, не переворачивая дерна. Умерших сжигали, а их пепел сохраняли в урнах, закапывая их на обычных кладбищах. Итак, на земле обитали предприимчивые племена, жившие земледелием и скотоводством.

Дополнительными источниками для их существования служили охота и рыболовство. Жизнь была устойчивой и стабильной, и численность населения росла. Они делали грубые гончарные изделия без гончарного круга и все еще использовали камень для таких вещей, как наконечники стрел, но их посещали странствующие плавильщики бронзы, умевшие делать

мечи, копья, топоры и многие другие виды инструментов и утвари, например, серпы, плотницкие инструменты, металлические части колесных повозок, ведра и котлы. Судя по отсутствию городов и малочисленности настоящих укреплений, эти люди были малоорганизованны для войны, а их политическая жизнь была проста и неразвита, хотя определенно существовало различие между богатыми и бедными, так как многие виды (но не все) металлических предметов, принадлежащих тому периоду, подразумевают значительную степень богатства и роскоши».

Поздний Бронзовый век в южных частях Британии, по мнению большинства авторитетных ученых, начался за 1000 лет до новой эры и продолжался приблизительно до 400 г. до новой эры. К этому времени парад изобретений вывел на сцену новый металл. Было открыто железо, и постепенно его научились ковать. Люди, вооруженные железом, пришли с континента в Британию и уничтожили людей бронзы. В этом через минувшие тысячелетия мы можем ясно узнать себе подобного. Безусловно, современный человек назвал бы двуногое существо, способное убить другого железным оружием, человеком и своим братом. Нет никаких сомнений, что для того чтобы крушить черепа, будь то длинноголовые или круглые, железо подходит лучше всего.

Железный век пришел на смену Бронзовому. Он принес с собой более сложную и высокую форму общества, но тогдашнее население с его рутинными обычаями воспринимало новшества очень незначительно. Оно менялось крайне медленно и понемногу. Конечно, бронзовые инструменты оставались в употреблении, особенно в Северной Британии, до последнего века накануне новой эры.

Столкновение железа с бронзой произошло на нашем острове до того, как он привлек внимание Юлия Цезаря. Начиная приблизительно с 500 г. до новой эры периодические вторжения с материка постепенно видоизменили всю южную часть острова. «В целом, – говорит профессор Коллингвуд, – поселения, где найдены гончарные изделия, характерные для этой культуры, встречаются по всему юго-востоку. Многие из них указывают на образ жизни, почти неотличимый от того, который вели люди позднего Бронзового века: это отдельные хозяйства или деревни, часто незащищенные, лежащие среди небольших полей на берегах рек или на небольших возвышенностях. Их жители хранили зерно в подземных ямах и мололи его с помощью примитивных ручных мельниц, в которых еще не было верхнего камня, вращающегося на нижнем, держали быков, овец, коз и свиней. Мертвых главным образом кремировали. Они все еще пользовались бронзовыми и даже каменными орудиями и почти не имели железных. Время их существования определяется по изменениям в стиле керамики, которую, однако, по-прежнему делали без гончарного круга».

Переселенцы Железного века вновь стали возводить стоянки на вершинах холмов, строительство которых прекратилось еще в конце неолитического века. В IV–III вв. до новой эры в обитаемых частях острова их появилось немало. Они состояли из вала, иногда каменного, но обычно земляного, обложенного бревнами и защищенного сплошным рвом.

Размеры этих валов были обычно не очень большими. Входы проектировались просто, хотя археологические раскопки в некоторых случаях обнаружили при них остатки деревянных сторожек. Эти стоянки являлись не просто убежищами. Часто они представляли собой поселения с отдельными жилищами и были постоянно обитаемыми. Не похоже на то, чтобы они служили чужакам в качестве опорных пунктов на вражеской земле. Наоборот, вероятно, они возникали постепенно, по мере увеличения числа пришельцев, имеющих железные орудия, и развития племенной системы, которая и породила в конце концов войны между различными родами.

Последняя волна кельтских нашествий, отметивших Железный век, накрыла Англию в начале первого века до нашей эры. «Племена белгов появились в Кенте и распространились по Эссексу, Хартфордширу и части Оксфордшира, тогда как другие группы... позднее... распространились по Гемпширу, Уилтширу, Дорсету и части Суссекса». Нет сомнений в том, что

белги были самыми развитыми из всех пришельцев, когда-либо прежде достигавших глубин острова. Они ездили верхом и на колесницах. Они менее других племен селились в укреплениях на холмах, которым так доверяли тогдашние жители. Белги построили новые города в долинах, иногда выбирая места пониже старых поселений. Они первыми пустили в обращение серебряные и медные монеты. Пришельцы стали племенной аристократией Британии, покорив старожилов этих мест. На востоке они построили Уитхемпстед, Верулабий (Сент-Олбанс), Камулодунум (Колчестер); на юге Каллева (Силчестер) и Вента Белгарум (Винчестер). Считается, что белги произошли от обитателей Галлии и являются родственными им. Это деятельное, энергичное, властное племя с легкостью и быстротой утверждалось повсюду и, возможно, рассчитывало на долгое господство. Но за ними уже слышалась тяжелая поступь римских легионов, и вскоре белгам пришлось защищать свой трофей от еще лучших воинов и от более высоких систем управления и ведения войны.

Между тем в Риме, центре тогдашнего цивилизованного мира, о западных островах имели лишь смутное представление. «Древние географы полагали, что океан окружает всю землю, и не знали ни о каких островах в нем», – пишет Дерби в «Исторической географии Англии». Геродот около 445 г. до новой эры слышал что-то о таинственных островах далеко на западе, которые называл Касситеридами, но осторожно относил их в область мифов. Однако в середине IV в. до новой эры Пифей из Марсея – определенно, один из величайших в истории исследователей – совершил два путешествия, во время которых действительно обогнул Британские острова. Он объявил о существовании «Претанических островов, Альбиона и Иерны», как называл их Аристотель. Пифея сочли выдумщиком, и его открытия вызвали восхищение только после того, как мир, в котором он жил, давно ушел в прошлое. Но уже в III в. до новой эры римляне хорошо знали о трех больших островах – Альбион, Иерне, Туле (Исландия). Это был самый край света, где все казалось необычным и чудовищным. Тем не менее в Риме была развита торговля оловом, в которой были замешаны большие интересы, и Полибий, писавший в 140 г. до новой эры, показывает, что по крайней мере этот аспект широко обсуждался теми, кто писал о торговле.

* * *

Обо всем этом мы информированы гораздо лучше, чем Цезарь, когда он отплыл из Булони. Вот некоторые из полученных им впечатлений:

«Внутренняя Британия населена людьми, которые утверждают, на основании устных преданий, что являются исконными жителями этих мест; побережье занимают пришельцы-белги, явившиеся для грабежей и войны, – почти все они сохранили названия племен, от которых происходят, и потом осели и стали возделывать землю. Этот народ весьма многочислен, дворы в поселениях стоят близко друг к другу, сильно напоминая галльские, и скота очень много. В качестве денег они используют бронзовые или золотые монеты, а также железные слитки установленного веса. Во внутренней части острова находят олово, а у побережья есть немного железа; медь они обычно привозят. Тамошние леса разнообразны, как и в Галлии, только бук и ель не растут здесь. Они считают, что кроликов, кур и гусей есть нельзя, но их держат ради удовольствия и забавы. Климат умереннее, чем в Галлии, холода не такие суровые...

Самые цивилизованные из жителей – те, которые живут в Кенте (это район полностью береговой) и чей уклад жизни немногим отличается от галльского. Большинство племен внутренней части не засевают полей, а живут за счет молока и мяса и носят звериные шкуры. Все бритты раскрашивают тела вайдой, которая имеет синий цвет, и это придает им более страшный вид в бою. Волосы они носят длинные, а все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен они имеют общих на 10–12 мужчин, особенно братья и отцы с сыновьями; но дети от этих союзов считаются детьми того, кто первым сожительствовал с женщиной».

В один из теплых дней в конце августа 55 г. до новой эры Цезарь отплыл с восьмьюдесятью транспортными судами, на Которых разместились два легиона. Корабли вышли в море в полночь, а уже с первыми лучами солнца римский полководец увидел белые скалы Дувра со стоявшими на них вооруженными людьми. Он счел это место «совершенно неподходящим для высадки», так как со скал можно было обстреливать берег. Тем не менее он стал на якорь до прилива, а затем прошел на семь миль дальше и высадился на Альбион между Дилом и Уолмером, на отлогом берегу.

Но бритты, наблюдавшие за этими передвижениями, двигались вдоль берега и оказались готовыми встретить его. Произошедшие далее события вошли в историю. Мужчины, верхом и на колесницах, вышли к берегу, чтобы с оружием в руках встретить чужаков-завоевателей. Боевые и транспортные корабли Цезаря остановились там, где было глубже. Легионеры, думая, что глубина весьма велика, замешкались перед градом дротиков и камней, но орлоносец десяти легиона бросился в воду со священной эмблемой, и Цезарь повел свои боевые суда с катапультами и лучниками на фланг бриттов. Ободренные римляне прыгивали с кораблей и, с трудом строясь на ходу, по колено в воде пошли на врага. Произошла короткая ожесточенная схватка в волнах, но римляне достигли суши и, приняв боевой порядок, вынудили бриттов бежать.

Однако тяжелая высадка стала лишь первой из ожидавших Цезаря неприятностей. Его кавалерия на восемнадцати транспортах, пустившаяся в путь три дня спустя, уже была в поле зрения лагеря, когда внезапно налетевший ветер унес суда далеко вниз по проливу, и римлянам еще очень повезло, что они вернулись на континент.

Высокий прилив нанес тяжелый урон стоящему на якоре флоту. Цезарь, привыкший к небольшим приливам родного Средиземного моря, не ожидал этого и не понял его причины – полнолуния. «Несколько кораблей, – пишет он, – были разбиты, а остальные, потеряв канаты, якоря и остаток такелажа, пришли в негодность, что, естественно, поставило всю армию в трудное положение. У них не было ни других кораблей, чтобы вернуться, ни материалов для строительства нового флота, а так как предполагалось, что им нужно вернуться в Галлию на зиму, то они и не запаслись зерном для зимовки в Британии».

После сражения на берегу бритты запросили мира, но затем, видя, какие невзгоды обрушились на пришельцев, и надеясь на благоприятный оборот событий, прервали переговоры. Многочисленное войско напало на римских фуражиров. Но легионеры заранее побеспокоились о мерах предосторожности, а дисциплина и оружие снова сказали свое слово. О том, сколько пищи было на острове, можно судить по тому, что два легиона продержались две недели за счет находившихся поблизости от лагеря полей. Бритты покорились. Победители выдвинули незначительные требования. Разобрав большую часть кораблей для ремонта остальных, Цезарь был рад вернуться на материк с несколькими заложниками и пленными. Он и не пытался представить свою экспедицию успешной. Чтобы стереть память о ней, он вернулся в следующем году, на этот раз с пятью легионами и кавалерией, доставленными на восьмистах судах. Размеры этой армады привели бриттов в ужас.

Высадка прошла без помех, но море снова воспротивилось завоевателям. Цезарь прошел 12 миль вглубь острова, когда известие о том, что сильный шторм разбил или повредил значительную часть флота, вынудило его возвратиться. Ему пришлось потратить 10 дней на то, чтобы вытащить все свои корабли на берег и укрепить лагерь. Суда стали частью римского бивака. Покончив с этим, Цезарь возобновил поход и, без труда уничтожив частокол, за которым укрывались бритты, перешел Темзу около Брентфорда. Но среди бриттов нашелся лидер в лице вождя Кассивелауна, оказавшегося мастером воевать в условиях значительного превосходства врага. Распустив по домам массу необученных пехотинцев и крестьян, он оставил колесницы и всадников и не отставал от неприятеля.

Цезарь дает детальное описание сражения с участием колесниц: «В сражении на колесницах бритты начинают с того, что гонят их по полю, метая дротики, и обычно одного ужаса, который наводят кони и стук колес, достаточно, чтобы расстроить неприятельские ряды. Потом, пробившись через эскадроны собственной кавалерии, они спрыгивают с колесниц и бьются пешими. Меж тем колесничие отходят на небольшое расстояние от поля боя и располагают колесницы так, чтобы их хозяева, если их будут теснить, могли легко отступить к своим. Таким образом они сочетают мобильность конницы с устойчивостью пехоты, а благодаря ежедневной подготовке и практике достигают столь высокого умения, что даже на крутом склоне способны управлять лошадьми на всем скаку и быстро сдерживают их и поворачивают. Они могут пробежать по дышлу, стать на ярмо и вернуться в колесницу с быстротой молнии».

Кассивелаун, используя эти мобильные силы и избегая подготовленного сражения на заранее выбранном месте, сопровождал совершавшие набеги римские легионы и отрезал отправленные за продовольствием группы. Тем не менее Цезарь захватил первый опорный пункт, и племена начали переговоры поодиночке. Хорошо задуманный план уничтожения базы Цезаря на кентском побережье потерпел крах. После этого Кассивелаун, чье политическое благоразумие равнялось его осторожности в тактических вопросах, предложил отдать заложников, выплатить дань и подчиниться в обмен на согласие Цезаря покинуть остров. При полном штиле «он отплыл поздно вечером и на рассвете привел весь флот в целости и сохранности к берегу».

На этот раз Цезарь провозгласил себя завоевателем. Он получил триумф, и пленные бритты уныло прошли вслед за ним по улицам Рима; но на протяжении почти ста лет никакая вражеская армия уже не высаживалась на берегах острова. Можно было только надеяться, что последующие защитники острова достигнут таких же успехов и что их действия будут также соразмеримы с обстоятельствами. О Кассивелауне известно мало, но он оставил о себе память как о предусмотрительном и искусном вожде, качества которого, хотя и были проявлены в глубокой древности, могут быть сравнимы с теми, которыми обладал Фабий Максим Кунктатор.

Глава II

Покорение

На протяжении ста лет, последовавших за вторжением Юлия Цезаря, Британские острова не подвергались нашествиям. Города белгов жили своей жизнью, а воинственные племена, не прекращавшие междоусобиц, утешали себя иллюзией, что больше никто не собирается на них напасть. Однако росли контакты бриттов с материком и Римской цивилизацией и процветала торговля многочисленными товарами. Римские купцы обосновались во многих частях острова и, возвращаясь в Рим, привозили рассказы о богатстве далекой страны и тех перспективах, которые перед ней откроются, если там создать сильное правительство.

В 41 г. новой эры после убийства императора Калигулы стечение случайностей возвело его дядю, неотесанного шута-ученого Клавдия, на мировой трон. Никто не допускал даже мысли, что новый правитель имеет сколько-нибудь связную программу завоеваний. Опытные чиновники определяли все аспекты имперской политики, и она продолжала оставаться столь же крупномасштабной. Все ее направления получали растущую поддержку и одобрение со стороны многих слоев общества. Видные сенаторы открыто высказывали свои взгляды, их важные коммерческие и финансовые интересы согласовывались и примирялись, а высшее общество получало новые темы для сплетен. Таким образом, в этот героический период новый император всегда мог получить ряд проектов возможных завоеваний, заранее хорошо продуманных и поддержанных всем римским обществом. Любой из них мог захватить воображение будущих носителей верховной власти. Впоследствии мы видим императоров, вознесенных на вершину власти случайностью, чьими единственными отличиями были их необузданные и изменчивые страсти, дворы которых погрязли в похоти и жестокости. Эти правители были жестокими или слабоумными и, декретируя огромные кампании и ставя печати на важные и благотворные законы, являлись пешками в руках своих советников или фаворитов.

Новому монарху описали выгоды от завоевания непокоренного острова Британия, и это возбудило его интерес. Его привлекла возможность приобрести военную репутацию. Клавдий отдал приказ приступить к этому волнующему и, вероятно, прибыльному предприятию. В 43 г. новой эры, почти сто лет спустя после ухода Цезаря с острова, мощная, хорошо организованная римская армия численностью примерно 20 тысяч солдат готовилась к покорению Британии. «Солдаты возмущались, думая о том, что вести кампанию придется за пределами известного мира», – писал греческий историк Дион Кассий. Когда фаворит императора вольноотпущенник Нарцисс попытался обратиться к ним, они восприняли это как оскорбление. Вид бывшего раба, призванного выступить в роли попечителя их командира, заставил их вспомнить о долге. Они дразнили Нарцисса за его рабское происхождение, насмешливо крича «Ио Сатурналия!» (на празднике Сатурна рабы надевали одежды своих хозяев и веселились), но все же решили подчиниться приказу.

«Эта отсрочка, однако, – вспоминал далее Дион Кассий, – задержала отплытие. Их отправили, разделив на три части, чтобы избежать помех при высадке – что могло случиться, если бы они были все вместе, – и поначалу они пали духом, потому что сбились с курса, но потом ободрились, потому что увидели вспышку света, промелькнувшую с востока на запад, в том направлении, куда они плыли. Они подошли к острову и увидели, что никто не вышел против них, потому что бритты, имея ложные сведения, не ожидали прибытия и поэтому не собрались заранее отразить нападение».

Внутренняя ситуация на острове благоприятствовала вторжению. Кунобелин (шекспировский Цимбелин) установил господство над юго-востоком острова, его столицей был Колчестер. Но когда он стал стар, раздоры и распри начали ослаблять его власть, и после его смерти королевством совместно управляли его сыновья, Каратак и Тогодунн. Их признали не повсюду,

и у них не было времени, чтобы образовать коалицию племен до прибытия Плавтия и его легионов. Население Кента прибегло к тактике Кассивелауна, и Плавтию доставило немало трудов отыскать противника, но, в конце концов преуспев в этом, он сначала разбил Каратака, а затем и его брата где-то в восточном Кенте. Затем, наступая по пути, которым шел когда-то Цезарь, он столкнулся с неизвестной ему рекой, Медуэй. «Варвары думали, что римляне не смогут переправиться без моста, и поэтому довольно беззаботно расположились на противоположном берегу», но Плавтий выслал «отряд германцев, привыкших легко плавать в полном снаряжении через самые бурные потоки. Те внезапно напали на врага, но вместо того чтобы стрелять по людям, вывели из строя лошадей, запряженных в колесницы, и в последовавшей за этим суматохе не спаслись даже конники противника». Тем не менее бритты встретили римлян на второй день, и разбить их удалось только после атаки с фланга – Веспасиан, будущий император, смог отыскать брод выше по течению. Эта победа расстроила планы римлян. Плавтий выиграл сражение слишком скоро и не в том месте. Нужно было что-то сделать, чтобы показать, что для полной победы необходимо присутствие императора. Поэтому Клавдий, ожидавший развития событий в Галлии, пересек море, приведя значительное подкрепление, в том числе несколько слонов. Победа в сражении была обеспечена, и римляне взяли верх. Клавдий возвратился в Рим, чтобы принять от Сената титул «Британию» и разрешение провести триумф.

Но война на острове продолжалась. Бритты избегали контактов с римлянами и прятались в болотах и лесах, надеясь истощить завоевателей, чтобы те, как в дни Цезаря, уплыли, ничего не добившись. Каратак бежал к валлийской границе и, подняв тамошние племена, еще в течение более шести лет продолжал упорное сопротивление. Лишь в 50 г. новой эры он потерпел окончательное поражение от уже нового военачальника, Остория, человека способного и энергичного, покорившего все наиболее заселенные районы от реки Уош до Северна. Каратак, бросивший остатки своих войска на западе, попытался поднять племя бригантов на севере, но их царица предала его в руки римлян.

«Молва о нем, – пишет Светоний в «Жизни двенадцати цезарей», – распространилась к тому времени по провинциям Галлия и Италия, и по его прибытии в римскую столицу народ сбежался со всех кварталов, чтобы поглазеть на него. Церемония его вступления в город проводилась с великой торжественностью. На примыкавшей к римскому лагерю равнине выстроили в боевом порядке преторианские войска. Перед ними расположился император со своими приближенными, а позади собралось множество народа. Процессия началась с того, что принесли трофеи, захваченные в войне. Затем провели братьев побежденного вождя, его жену и дочь, закованных в цепи. Униженными жестами и умоляющими взглядами выдавали они одолевавшие их страхи. Но не таков был сам Каратак. Мужественной поступью, с бесстрашным выражением лица подошел он к месту, где сидел император, и обратился к нему так:

«Если бы к своему высокому рождению и видному положению я добавил бы добродетель умеренности, то Рим принял бы меня скорее как друга, чем пленника, и ты не отверг бы союза с потомками прославленных героев, управлявшими многими народами. Поворот моей судьбы принес тебе величие, а мне унижение. У меня было оружие, воины и кони, я владел огромными богатствами, так что удивительного, если я не хочу терять их? Из-за того, что Рим стремится к господству над всем миром, следует ли, что все должны беспрепятственно подчиниться? Я долго противостоял успехам твоего оружия, и действуй я иначе, то разве прославился бы ты новым завоеванием, а я смелым сопротивлением? Теперь я в твоей власти. Если ты решишь отомстить мне, о моей участи скоро забудут, а ты не удостоишься никакой чести. Сохрани мне жизнь, и я надолго останусь памятником твоего милосердия».

Сразу же после этой речи Клавдий даровал ему свободу и так же поступил с другими видными пленниками. Все они благодарили его самым любезным образом и, как только с них сняли цепи, подошли к Агриппине, сидевшей на скамье неподалеку, и повторили ей те же горячие заявления благодарности и уважения».

* * *

Завоевание закончилось еще одной ужасной вспышкой восстания. В 61 г. новой эры, по словам Тацита, «нам пришлось понести в Британии тяжелое поражение». Новый правитель, Светоний, глубоко увяз на Западе. Основные действия римской армии были перенесены из Роксете́ра в Че́стер. Он приготовился напасть на «густонаселенный, ставший прибежищем для многих беженцев остров Мона (Англси) и для этого построил флот из плоскодонных кораблей, подходящих для плавания в мелководных морях и не боящихся подводных камней. Пехота переправилась на лодках, а конница перешла бродами; там, где было слишком глубоко, солдаты плыли рядом с лошадьми. Противник выстроился на берегу – плотная толпа вооруженных мужчин, в которой виднелись фигуры женщин в черном, похожих на фурий, с распущенными волосами и факелами в руках. Вокруг были друиды, выкрикивавшие страшные проклятия и протягивавшие к небу руки. Столь непривычное зрелище устрало солдат. Словно парализованные, они замерли неподвижно, подставляя свои тела под удары. Наконец, ободренные полководцем, побуждая друг друга не теряться перед толпой женщин и фанатиков, они перешли в наступление, сломили сопротивление и оттеснили врага в огонь факелов.

Светоний разместил у побежденных гарнизон и приказал вырубить их священные рощи, где проводились свирепые обряды: ведь частью их религии было пролитие крови пленных на алтари и вопрошение у богов судьбы через истолкование значения человеческих внутренностей».

Эта драматическая сцена на границах современного Уэльса была прелюдией к трагедии. Умер Прасутаг, король обитавшего на востоке племени иценов. Надеясь спасти королевство и свою семью от назойливых притязаний, он назначил Нерона, ставшего императором после Клавдия, своим наследником вместе с двумя своими дочерьми. «Но, – пишет Тацит, – получилось наоборот. Его царство было разграблено центурионами, а его личное достояние – рабами, как будто их захватили оружием. Жену царя, Боудикку, высекли плетью, а дочерей обесчестили. У всех вождей иценов отобрали унаследованное от предков имущество, как будто римляне получили всю эту область в дар, а родственников самого царя низвергли в рабство». Так пишет римский историк.

Племя Боудикки, самое сильное и до сей поры самое покорное, яростно выступило против римских завоевателей. Ицены взяли за оружие. Почти все жившие поблизости бритты встали под знамя Боудикки, и она оказалась во главе многочисленной армии. Ненависть, словно вырвавшаяся из бездны, соответствовала степени жестокости завоевания. Это восстание было похоже на крик ярости и гнева против неодолимого завоевания, который словно придавал бриттам сил. Немецкий историк Ранке назвал Боудикку «яростной, искренней и ужасной». Памятник ей на набережной Темзы, напротив Биг Бена, напоминает нам о том суровом призыве победить или умереть, который звучит в веках.

Во всей Британии было только четыре легиона, самое большое 20 тысяч солдат. Четырнадцатый и двадцатый участвовали в валлийской кампании Светония, девятый находился у Линкольна, а второй у Глостера.

Первой целью восставших стал Камулодунум (Колчестер), незащищенное стеной поселение римлян и романизированных бриттов, где недавно обосновавшиеся ветераны, поддерживаемые солдатами, надеявшимися получить такие же привилегии, выбрасывали жителей из домов и сгоняли с их земли. Смелости бриттам придали и предзнаменования. Статуя Виктории, словно попытавшись бежать от врага, рухнула лицом вниз. Море стало красным. Из палаты совета и театра слышались странные крики. Римские чиновники, торговцы, ростовщики и те бритты, которые делили с чужеземцами власть и барыши, оказались с горсткой старых солдат среди «множества варваров». Светоний был далеко, на расстоянии месяца пути. До

девятого легиона – 120 миль. К римлянам не было жалости, им не оставили никакой надежды. Город сожгли дотла. Храм, прочные стены которого сопротивлялись пламени, продержался еще два дня. Все, римляне и их сторонники из числа бриттов, были убиты, и все разрушено. Между тем девятый легион шел на выручку. Одержавшие победу бритты вышли из Колчестера ему навстречу. За счет численного превосходства они сломили римскую пехоту и уничтожили всех до единого. Римскому военачальнику, Петилию Цериалу, пришлось бежать с конницей. Вот такие известия достигли Светония.

Он сразу понял, что его армия уже не успеет прийти вовремя, чтобы предотвратить еще большую катастрофу, но, как говорит Тацит, «неустрасимо пробился через враждебную страну к Лондинию, городу, хотя и не имевшему статус колонии, но людному из-за обилия торговцев».

Это первое упоминание о Лондоне в литературе. Хотя там находили фрагменты галльской или итальянской керамики, возможно предшествовавшей римскому завоеванию, очевидно, что это место приобрело какое-то значение только после прихода завоевателей Клавдия, а также массы армейских поставщиков и чиновников, нашедших здесь наиболее удобное на Темзе место для строительства моста.

Светоний подошел к Лондону лишь с небольшим конным эскортом. Еще раньше он направил приказ второму легиону встретить его там на пути из Глостера, но его командир, напуганный поражением девятого легиона, не исполнил приказ. Лондон был большим, не имевшим укреплений городом, полным римских торговцев и сотрудничающих с ними бриттов, зависимых людей и рабов. В нем находился военный склад с ценными запасами, который охраняла горстка легионеров. Горожане умоляли Светония защитить их, но, когда он узнал, что Боудикка, преследовавшая Цериала по направлению к Линкольну, повернула и идет на юг, он принял тяжелое, но верное решение предоставить жителей своей судьбе. Второй легион послушался его, и у него не было сил противостоять надвигающимся огромным массам. Ему оставалось только одно: соединиться с четырнадцатым и двадцатым легионами, спешившими из Уэльса к Лондону по римской дороге. Посему, оставшись глухим к мольбам жителей, он дал сигнал к маршу, но все же принял в свои ряды всех, кто пожелал пойти с ним.

Бойня, устроенная в Лондоне, была всеобщей. Не щадили никого – ни мужчин, ни женщин, ни детей. Гнев восставших обрушился прежде всего на тех бриттов, которые предались порокам и соблазнам завоевателей. В недавние времена, когда дома в Лондоне пошли вверх и потребовались более глубокие котлованы, экскаваторы во многих местах наткнулись на слои золы – следы уничтожения города руками самих бриттов.

Затем Боудикка повернула к Веруламию (Сент-Олбансу). Здесь находился еще один центр торговли, которому был дарован высокий гражданский статус. Его постигла сходная с Лондоном участь – всеобщее побоище и уничтожение. По словам Тацита, «не менее 70 тысяч римских граждан и их союзников были убиты» во всех трех городах, «ведь восставшие не знали ни взятия в плен, ни продажи в рабство, ни какого-либо способа обмена, обычно применявшегося на войне, но торопились убивать, резать, распинать, вешать и сжигать».

Эти суровые слова показывают нам, какой неумолимой была война между Карфагеном и его наемниками за два столетия до этих событий. Некоторые современные авторитетные лица полагают, что эти цифры завышены, но нет никаких оснований сомневаться в том, что Лондон мог вмещать 30 или 40 тысяч жителей, а Колчестер и Сент-Олбанс столько же каждый. Если добавить сюда жертв резни вне городов, то расчеты Тацита могут быть верны. Возможно, это самый ужасный эпизод, известный нашему острову. Мы видим, как грубое и разлагающее начало более высокой цивилизации было еще более омрачено диким и свирепым восстанием местных племен. И все же первостепенное право людей – это право умирать и убивать посягающих на ту землю, на которой они живут, и наказывать с исключительной суровостью всех представителей собственного народа, которые, так сказать, погрели руки у чужого огня.

«И Светоний, имея в своем распоряжении четырнадцатый легион и ветеранов двадцатого, а также вспомогательные войска, находившиеся поблизости, что составляло всего около 10 тысяч полностью вооруженных людей, решил... дать бой. Выбрав позицию на теснине, уходящей к лесу, и убедившись, что враг только впереди, на открытой равнине, где нет мест для засад, он поставил легионы сомкнутым строем, с легковооруженными воинами по бокам и плотными рядами конницы на флангах».

День сражения оказался решающим. Армия варваров, силой в 80 тысяч человек, сопровождаемая – подобно тому, как это принято у германцев и галлов, – женщинами и детьми в неуклюжем обозе, выдвинулась боевым порядком, преисполненная решимости победить или пасть в бою. Никто не думал о том, как сложатся обстоятельства после боя. Для обеих сторон вопрос стоял так – все или ничего. При всех неблагоприятных обстоятельствах римские дисциплина и тактическая выучка восторжествовали. Пощады не было даже детям.

«То была славная победа, достойная стать в ряд с великими победами древности. Некоторые утверждают, что на поле осталось чуть менее 80 тысяч бриттов, тогда как наши потеряли убитыми около 400 человек и ранеными немногим больше». Так рассказывают победители. Боудикка приняла яд. Пений Постум, командир второго легиона, не подчинившийся приказу и лишивший своих людей их доли в победе, пронзил себя мечом, когда услышал об успехе четырнадцатого и двадцатого легионов.

Теперь Светоний думал только о мести, и восставшим действительно было за что расплачиваться. Нерон прислал из Германии подкрепление в 4–5 тысяч человек, и все враждебные или подозреваемые во враждебности племена были наказаны огнем и мечом. Хуже всего им приходилось от нехватки продовольствия, потому что бритты, уверенные в том, что им удастся захватить припасы римлян, вывели против них всех мужчин, оставив незасеянными поля. Тем не менее дух их остался не сломленным, и вполне возможно, что уничтожению подвергся бы весь этот древний народ, если бы не возражения нового прокуратора, поддержанного чиновниками в Риме, которые опасались, что вместо провинции получают пустыню.

Как человек действий Светоний завоевал большой авторитет, и его военные решения были здравыми и благоразумными. Но в Римском государстве существовала одна опасная особенность, которую нельзя сбрасывать со счетов под предлогом того, что она порождена лишь завистью влиятельных и могущественных людей. Стали говорить, что Светоний чересчур жаждет воинской славы и что широкое восстание в провинции застигло его врасплох, что «неудачи его являются следствием его глупости, а успехи объясняются благоприятствованием судьбы». Нужно прислать нового правителя, «без злобы к противнику, который мягко обойдется с покоренным врагом».

Именно в таком смысле постоянно писал в Рим прокуратор Юлий Классициан, чье надгробие находится сейчас в Британском музее. Он настойчиво просил усмирить воинствующие банды, все еще продолжающие драться и не желающие ни мира, ни пощады, голодающие и погибающие в лесах и на болотах. В конце концов было решено примириться с бриттами. Волнения в Германии и опасности, грозящие из-за Рейна, заставили даже имперские власти в Риме понять бессмысленность напрасной траты сил в далеких краях. Благовидный предлог для смещения Светония появился после того, как несколько его кораблей были разбиты бурей. Император Нерон послал нового правителя, который договорился о мире с отчаянными племенами, благодаря чему их кровь навсегда сохранилась в жилах островной расы.

* * *

В 78 г. в Британию был направлен новый правитель, Агрикола, талантливый и энергичный деятель. Вместо того чтобы тратить первый год пребывания в должности на церемониальный объезд страны, он взялся за тех, кто все еще оспаривал власть Рима. Большое племя,

перебившее вспомогательный конный отряд, было уничтожено. Был покорен остров Мона, с которого некогда из-за восстания Боудикки отозвали Светония. С помощью военных мер он объединил уважаемых и разумных. По словам Тацита (женатого на его дочери), он провозгласил, что «малое приобретается завоеванием, если за ним следует подавление». Агрикола уменьшил хлебную дань. Он поощрял строительство храмов, судов, жилых домов. Он содействовал образованию сыновей вождей, отдавая такое «предпочтение природным качествам бриттов перед рвением галлов», что зажиточные классы были усмирены и даже согласились принять тогу и другие римские обычаи. «Так шаг за шагом они перешли к тому, что располагает к порокам, – портикам, баням, изысканным пиршествам. Все это по своему невежеству они называли цивилизацией, когда это было всего лишь частью их рабства».

Памятник Гнею Юлию Агриколе в римских термах в Бате.

Хотя в Сенате и правящих кругах Рима постоянно говорилось, что имперская политика сохраняет приверженность принципу великого Августа – границы нужно держать, но не расширять, – Агрикола получил разрешение провести в Британии шесть кампаний. В ходе третьей он достиг Тайна, причем передовые части его легионов поддерживались каждый раз флотом. В пятой Агрикола вышел на линию рек Форт и Клайд и там вполне мог бы остановиться. Но провинция не могла надеяться ни на безопасность, ни на постоянный мир, пока оставались непокоренными сильные племена и крупные отряды отчаянных воинов, откатывавшихся под давлением его наступления на север. И действительно, вполне очевидно, что римский полководец никогда бы по своей воле не остановился нигде, разве что на берегу океана. Вот почему в шестой кампании Агрикола снова двинулся на север со всеми своими силами. Теперь положение стало угрожающим. Прошлые несчастья показали бриттам, чем чревата разобщенность.

Зять Агриколы рассказывает: «Наша армия, гордая добытой славой, только и твердила, что надо достичь крайних пределов Каледонии и хотя бы ценой непрерывных сражений отыскать оконечность Британии. Но бритты, полагая, что побеждены не столько нашей доблестью, сколько нашим общим умением пользоваться возможностью, нисколько не умили своей заносчивости, вооружили молодежь, отправили жен и детей в безопасное место и сошлись вместе, чтобы скрепить священными ритуалами нерасторжимый союз племен».

Решающая битва произошла у горы Гравпий, местонахождение которой до сих пор не установлено, хотя некоторые предполагают, что это район перевала Килликрэнки. Тацит в неубедительных подробностях описывает ход этого знаменитого сражения. Вся Каледония, все, что осталось от Британии, огромное множество сломленных, преследуемых людей, решивших сделать выбор между свободой или смертью, выступили, имея численное превосходство в соотношении четыре или пять к одному, против умело управляемых римских легионов и вспомогательных сил, среди которых, несомненно, было немало бриттов-предателей. Тацит наверняка сильно преувеличил размеры армии противника в этих диких местах, где не было заранее приготовленных складов. Ее численность, хотя и значительная, должна была быть жестко ограниченной. Очевидно, как и во многих сражениях древности, проигравшая сторона стала жертвой ошибки, и судьба битвы решилась еще до того, как основная масса войска осознала, что бой уже начался. Резервы спустились с холмов слишком поздно, чтобы добыть победу, но как раз вовремя, чтобы быть истребленными по пути. У горы Гравпий закончилось последнее организованное сопротивление Британии римскому завоеванию. Здесь, согласно донесению победителей, «десять тысяч врагов было убито, а с нашей стороны погибли около трехсот шестидесяти человек». Победа Клайва у Плесси, обеспечившая Британской империи долгую власть в Индии, была добыта меньшими силами и с меньшими потерями.

Теперь был открыт путь к полному покорению острова, и если бы римское правительство поддержало или хотя бы поощрило Агриколу, ход истории мог быть иным. Но для Рима сражение в Каледонии было лишь эпизодом в бесконечных войнах; настоящую тревогу вызывали тогда области между Рейном и Дунаем. Верх взяла осторожность, и остатки бриттов смогли раствориться в северных туманах.

Дион Кассий, писавший более столетия спустя, рассказывает, что они были постоянным источником расходов и беспокойства для успокоившихся областей юга: «В Британии есть два очень больших племени, каледоны и меаты. Меаты обитают вблизи гор, которые делят остров надвое, каледоны за ними. И те, и другие живут на диких, безводных холмах или заброшенных и болотистых равнинах, не имея ни стен, ни городов, ни земледелия, кормясь тем, что растет, а также орехами, которые они собирают. У них много рыбы, но они ее не едят. Живут в лачугах, ходят обнаженными и босыми; у них нет отдельных браков, а детей воспитывают сообща. Правление у них демократическое, и они склонны к воровству... Они переносят голод, холод

и подобные тяготы; залезают в болота и сидят днями, высунув над водой только головы, а в лесу кормятся корой и корнями».

На диком севере и западе свободные племена нашли убежище в горах, но в остальном завоевание и умиротворение были наконец завершены, и Британия стала одной из сорока пяти провинций Римской империи. Великий Август провозгласил в качестве имперского идеала создание содружества самоуправляющихся округов. Каждая провинция была организована как отдельная единица, и в ее пределах города получали свои уставы и права. Провинции разделялись на те, которым угрожало вторжение варваров или восстание и для которых требовалось выделение имперского гарнизона, и те, которые не нуждались в подобной защите. Военные провинции находились под непосредственным руководством императора. Более прикрытые контролировались, по крайней мере по форме, через Сенат, но во всех провинциях следовали принципу приспособления формы правления к местным условиям. Никакие расовые, языковые или религиозные предубеждения не нарушали универсальный характер римской системы. Единственными делениями были деления на классы, и это не подвергалось никакому сомнению нигде по всему подвластному Риму миру. Были римские граждане, была огромная масса не римских граждан и были рабы, но для удачливых представителей низшего класса существовала возможность получить полное гражданство. Вот на такой основе и развивалась теперь жизнь Британии.

Глава III

Римская провинция

На протяжении трех столетий Британия, смирившаяся с римской системой, переживала во многих отношениях самые спокойные и самые просвещенные времена, когда-либо выпадавшие ее обитателям. Военные силы, защищавшие границы, были невелики. Защитные валы удерживали вспомогательные части, а один легион поддержки находился в Йорке. Для Уэльса хватало легиона в Честере и еще одного в Карлеоне-на-Уске. Всего армия завоевателей насчитывала менее 40 тысяч человек, и через несколько поколений уже набиралась из местных жителей и почти целиком из чистокровных бриттов. В этот период, почти равный тому, который отделяет нас от правления королевы Елизаветы I, житочные люди в Британии жили лучше, чем когда-либо потом вплоть до конца викторианских времен. С 400 по 1900 гг. ни у кого не было центрального отопления и лишь немногие имели горячие ванны. Богатый гражданин, строивший загородный дом, считал обогрев само собой разумеющимся делом. В течение полутора тысяч лет его потомки жили в холодных, не обогреваемых жилищах, радуясь время от времени жару огромных костров. Даже сейчас относительно меньшая доля населения обитает в домах с центральным отоплением, чем в те давние времена. Что касается ванн, то они совершенно исчезли до середины XIX века. На протяжении всех этих долгих и унылых веков холод и грязь сопутствовали даже самым удачливым и высокопоставленным гражданам страны.

В отношении культуры и учености Британия была лишь бледным отражением Рима, в отличие от Галлии. Но был закон, был порядок, был мир, было тепло, были пища и устоявшийся образ жизни. Бриттов уже не причисляли к варварам, но при этом они не усвоили римскую лень и роскошь. Культура затронула даже деревни. Постепенно укоренялись римские привычки, росло использование римской утвари и даже римской речи. Сами бритты считали себя такими же римлянами, как и другие. Можно даже сказать, что из всех провинций лишь немногие ассимилировали римскую систему с таким же успехом, как на этом далеком острове. Местные легионеры считались равными иллирийцам или стояли вслед за ними, считавшимися лучшим войском в империи. Люди гордились принадлежностью к столь величественному и обширному государству. Быть римским гражданином означало быть гражданином мира, поднятым на пьедестал неоспоримого превосходства над варварами или рабами. Передвижение по великой империи было таким же быстрым, как при восшествии на трон королевы Виктории, и ему не препятствовали ни границы, ни законы, ни различия в денежных системах или национальностях. В Норвиче есть памятник, поставленный выходцем из Сирии своей жене. В Йорке умер Констанций I Хлор. Солдаты из Британии стояли на Рейне, Дунае и Евфрате. Войска из Малой Азии, высматривавшие в тумане северных разбойников с высоты защитных укреплений, исповедовали культ Митры. Поклонение этому персидскому богу Солнца широко распространилось по всему римскому миру, особенно привлекая солдат, купцов и администраторов. В III в. митраизм соперничал с христианством и, как показывает впечатляющий храм, обнаруженный в Уолбруке в 1954 г., имел немало почитателей в Лондоне.

Насильственные перемены в столице империи не так уж сильно, как можно было бы предположить, влияли на повседневную жизнь населения. То тут, то там вспыхивали восстания и разгорались войны. Соперничающие императоры боролись друг с другом. Легионы бунтовали. В провинциях, пользуясь этими обстоятельствами, появлялись узурпаторы. В Британии проявляли живой интерес к политическим событиям в римском мире и имели свою собственную точку зрения на перемены в имперской власти и столичную мораль. Немало горячих натур промелькнуло за три века на острове, сыграв свою роль в смертельной политической игре с ее беспримерными призами и роковыми потерями. Но все они полностью примирались с римской идеей. В Британии был свой закон, своя жизнь, которая текла широким, пусть иногда и

несколько бурным потоком по неизменному руслу. Опрос общественного мнения, если бы его провели в IV в., выявил бы стремление людей к сохранению римского режима.

В наш лихорадочный, переменчивый и ненадежный век, когда жизнь находится в движении и ничто не принимается на веру, нам нужно с уважением изучать этот период, когда на протяжении многих поколений силами всего трехсот тысяч солдат поддерживался мир на всей известной тогда земле и когда первый, чистый импульс христианства возвысил души людей до созерцания нового и более великого идеала за пределами окружающего их земного мира.

Римская цивилизация даровала нам гражданские и политические ценности. Кварталы городов имели в плане квадратную форму. Их строительство осуществлялось под методичным и четким управлением. Здания возводились в соответствии со стандартными для всего римского мира образцами. В каждом городе были форум, храм, суды, тюрьмы, бани, рынки и водостоки. Очевидно, в I в. строители с оптимизмом оценивали ресурсы и будущее Британии, и все их города проектировались с расчетом на рост населения. То был период надежд.

Специалисты спорят по вопросу о населении римской Британии, и их оценки варьируются от полумиллиона до полутора миллионов человек. С некоторой определенностью можно сказать, что армия, гражданские службы, городские жители, обеспеченные слои и зависевшие от них группы насчитывали 300–400 тысяч человек. Для обеспечения их пищей при сельскохозяйственных методах того времени требовалось бы вдвое больше работающих на земле. Следовательно, можно предположить, что в романизированной области население составляло по меньшей мере миллион человек. Возможно, оно было значительно больше. Но нет никаких признаков того, что в период римского владычества происходило сколько-нибудь значительное увеличение его численности.

Через два с лишним столетия мира и порядка жителей оставалось примерно столько же, как в дни Кассивелауна. Неспособность поощрить и поддержать прирост населения вызывали разочарование в римской Британии. Завоеватели, столь легко подчинившие бриттов и приучившие их к своему образу общественной жизни, не принесли с собой никаких глобальных перемен к лучшему, кроме прекращения племенной войны, увеличения ежегодного дохода, получаемого за счет урожайности. Новое общество, при всем изяществе его структуры, оттенке элегантности и роскоши – бани, банкеты, тоги, школы, литература, риторика – имело в своей основе фундамент, мало чем отличающийся от сельского хозяйства доисторических времен. Примитивный достаток, в котором жили древние бритты, был способен лишь до весьма умеренной степени обеспечивать величие и блеск фасада римской жизни. Обработка земли по большей части ограничивалась более легкими и культивируемыми без особых усилий возвышенными участками, которые тысячи лет возделывались одинаково примитивным способом.

В Британии знали о галльском плуте на колесах, но он так и не вытеснил местное орудие, способное оставлять лишь мелкую борозду. За немногими исключениями, не предпринималось крупномасштабных попыток расчистить леса, осушить топи, взяться за возделывание тяжелых глинистых почв в долинах, богатых плодородными отложениями. Та добыча свинца и олова и плавка металлов, которые существовали с незапамятных времен, могли бы принести что-то при организованном управлении, но для этого не было новой науки, не было качественного рывка знаний в технологической сфере. Таким образом, экономический базис оставался неизменным, и Британия становилась скорее более благовоспитанной, чем богатой. Хозяйство страны развивалось мало и в главном оставалось застойным. Новая конструкция, такая величественная и восхитительная, в своей основе была легкой и хрупкой.

Все это вскоре отразилось и на смело спроектированных городах. Сельское хозяйство оказалось не в состоянии поддерживать надежды их создателей. Раскопки показывают, что первоначальные городские территории так и не были полностью заселены, а если и были, то затем часть их кварталов постепенно приходила в упадок. Чтобы они развивались, недоставало материального благосостояния. Тем не менее люди жили в безопасности, и та собственность,

которую они имели, охранялась железными законами. Городская жизнь в Британии провалилась не в смысле существования, а в смысле расширения. Она тянулась подобно жизни какого-нибудь увядающего провинциального городка, спокойная, ограниченная, даже угасающая, но не без некоторого изящества и достоинства.

Существованием Лондона мы обязаны Риму. Военные инженеры Клавдия, бюрократия, заправлявшая снабжением армии, купцы, следовавшие за ними, вдохнули в него новые силы для жизни. Складывание дорожной системы повлекло развитие торговли. Просторный и хорошо спланированный город с мощными стенами встал на месте деревянного торгового поселения 61 г. нашей эры и вскоре стал занимать ведущее место в жизни римской провинции Британии, превзойдя старую столицу белгов, Колчестер, как коммерческий центр. В конце III в. в Лондоне чеканили монеты, и здесь же располагался центральный орган финансовой администрации. В более поздние времена Лондон, похоже, стал центром гражданского управления, как Йорк – военного, хотя он так и не получил статус муниципия.

Расцвет римской жизни в Британии – это ее виллы, разбросанные по всей заселенной области. Виллы сельских господ скромного положения строились в самых живописных местах девственных уголков, среди первозданных лесов и стремительных вольных рек. Таких удобных строений, с прилегающими к ним землями, становилось все больше. В южных графствах их обнаружено по меньшей мере пятьсот. На севере их не находят дальше Йоркшира, на западе – дальше Гламоргана. Относительная неудача городской жизни подтолкнула более высокие классы бриттов к утверждению в сельской местности, и, таким образом, система вилл стала доминирующей чертой римской Британии в период ее подъема. Виллы продолжали процветать и после того, как города пришли в упадок. Последние после III в. как бы съжились. Виллы все еще преуспевали в IV, а в некоторых случаях вошли и в мрачные времена V в.

Потребность в сильной обороне во времена, когда экспансия империи практически достигла пределов, была удовлетворена императорами из династии Флавиев. Этому служила их пограничная политика. Первым сплошную линию укреплений построил Домициан. Около 89 г. новой эры был сооружен огромный земляной вал на Черном море и еще один, соединявший Рейн с Дунаем. К концу I в. сложился стандартный тип пограничного барьера. Строительные работы Агриколы в Северной Британии остались незавершенными из-за его спешного отзыва. Никакой удовлетворительной оборонительной линии так и не было возведено, и позиции, завоеванные им в Шотландии, пришлось постепенно оставить. Легионы отступили к линии Стейнгейт, дороге, идущей на запад от Карлайла. Последующие годы явили слабость британской границы. Прибытие в Англию Адриана было отмечено серьезной катастрофой. Девятый легион больше не упоминается в истории после подавления восстания племен в Северной Британии. Оборона оказалась дезорганизованной, и над провинцией нависла опасность. В 122 г. Адриан сам прибыл в Британию, и началась реорганизация границы.

В течение последующих пяти лет был построен военный барьер между Тайном и Солуэем длиной в 73 мили. Он состоял из каменного вала 8-10 футов толщиной, имел 17 крепостей со вспомогательными когортами, около 80 укрепленных пунктов и вдвое большее число сигнальных башен. Перед стеной прорыли ров глубиной 30 футов, а дальше еще один, служивший таможенной границей и, возможно, контролировавшийся финансовой администрацией. Все эти сооружения требовали гарнизона в примерно 14 тысяч человек, не считая 5 тысяч, которые, независимо от боевых частей в крепостях, несли патрульную службу вдоль стены. Войска снабжались местным населением, платившим налоги пшеницей, каждая крепость имела хранилище, рассчитанное на годовой запас продовольствия.

Двадцать лет спустя, в правление императора Антонина Пия, римские войска снова двинулись на север по местам бывших завоеваний Агриколы, и через перешеек Форт-Клайд построили новый вал протяженностью 37 миль. Цель заключалась в том, чтобы контролировать племена, живущие на восточной и центральной равнинах, но римские силы в Британии не могли

послать солдат для защиты новых рубежей, не ослабляя своих позиций на валу Адриана и на западе. Середина II в. стала тревожной из-за военных столкновений в этом районе. Примерно в 186 г. вал Антонина был оставлен, и войска сконцентрировались на первоначальной линии обороны. Северная пограничная система постоянно подвергалась нападениям местных племен и набегам с севера, и в некоторых местах вал оказался совершенно разрушенным, как и военные лагеря.

Стабильность была достигнута лишь в 208 г., когда в Британию прибыл император Север, бросивший всю свою энергию на реорганизацию системы укреплений. Разрушения были столь велики, ремонтные работы столь масштабны, что в более поздние времена считали, что именно он построил стену, которую на самом деле только восстановил. Император умер в 211 г., но мир вдоль римского вала установился еще на сотню лет.

Об активности римлян в дорожном строительстве можно судить по мильным камням, которые находят время от времени и на которых высечено имя императора, по чьему приказу выполнялась эта работа. Эти длинные, четко проложенные мощеные дороги пересекали остров. При их строительстве сначала укладывали крупные камни, часто на песочную «подушку», затем засыпали гравий и трамбовали. В среднем толщина полотна достигала 18 дюймов. В особых случаях или после большого ремонта она увеличивалась до 3 футов. За Блэкстоун Эдж, где дорога проложена по торфянику, ее ширина составляет 16 футов. Там уложены квадратные блоки из песчаника, по обеим сторонам идет бордюр, а посередине сделана линия из больших квадратных камней. Древние телеги, скатывавшиеся с крутого холма и тормозившиеся специальными лотками, оставили на них свои следы в виде желобков.

Особенно активно велось дорожное строительство в первые полстолетия после клавдиевского вторжения. Во II в. основные работы концентрировались на границах военных округов. К III в. дорожная система была завершена, и ей требовался только ремонт.

Раскопки показывают, что некоторое строительство шло и в период Константина, но к 340 г. все новые работы закончились, хотя ремонт их продолжался до тех пор, пока это было возможно. Такая же картина отмечается и в Галлии после 350 г. Эти скучные факты служат одним из свидетельств подъема и упадка римской власти и римского могущества.

Если бы житель Честера в римской Британии проснулся в наше время, он нашел бы, что многие законы являются прямым продолжением тех, которые ему знакомы. В каждой деревне он обнаружил бы храмы и священников новой веры, которая в его дни повсюду одерживала победы. Наверное, ему показалось бы, что возможности христианского богослужения далеко превосходят число верующих. Он не без гордости отметил бы, что его дети вынуждены учить латынь, если хотят поступить в самые известные университеты. Возможно, он столкнулся бы с серьезными трудностями в произношении. В публичных библиотеках он обнаружил бы шедевры древней литературы, напечатанные на непривычно дешевой бумаге и большими тиражами. Он увидел бы прочное правительство и ощутил чувство принадлежности к огромной империи. Он смог бы искупаться в водах Бата или, если это слишком далеко, отыскал бы парильни и туалетные удобства в каждом городе. Он увидел бы все свои проблемы с валютой, землевладением, общественной моралью и этикетом, представленные в несколько ином аспекте, но все так же живо обсуждаемые.

Как и у нас, у него было бы чувство принадлежности к обществу, которому угрожают, и империи, расцвет которой уже миновал. Так же, как и мы, он бы боялся внезапного нападения варварских сил, вооруженных равным по мощи оружием. Он бы так же опасался людей из-за Северного моря, и его учили бы тому, что его границы на Рейне. Наиболее заметными переменами, с которыми он бы столкнулся, были бы скорость передвижения и объем печатной и вещательной продукции. Возможно, что и то, и другое огорчило бы его и внушило беспокойство. Но этому он смог бы противопоставить такие достижения, как хлороформ, антисептики и более научные знания в области гигиены. Он смог бы читать более толстые книги по истории с

рассказами, уступающими Тациту и Диону Кассию. Кино и телевидение дали бы ему возможность увидеть «области, о которых не знал Цезарь», и он исполнился бы горечи и изумления. В зарубежных поездках ему во всем чинили бы помехи. Если бы он пожелал поехать в Рим, Константинополь и Иерусалим, исключив морское путешествие, то его въездную визу внимательно изучали бы на дюжине границ. В нем постарались бы вызвать множество племенных и расовых предубеждений и враждебных чувств, которых он не испытывал прежде. Но чем больше он узнавал бы о том, что случилось после III в., тем больше он бы радовался тому, что не проснулся раньше.

* * *

При тщательном сохранении человеческих и материальных ресурсов Римской империи их, вероятно, оказалось бы достаточно, чтобы сохранять целостность границ. Но слишком часто они растрчивались впустую в войнах между соперничающими императорами, и к середине III в. империя находилась в состоянии политического хаоса, а ее финансы лежали в руинах. Однако запас жизненных сил оставался велик, и из иллирийских армий выходила череда великих солдат и администраторов, восстанавливавших ее единство и укреплявших границы. К концу столетия Рим по-прежнему казался могучим и стабильным. Но под поверхностью фундамент давал трещины, и через щели просачивались новые идеи и новые институты. По всюду приходили в упадок города; торговля, промышленность и сельское хозяйство гнулись под тяжестью налогов. Менее безопасным и надежным стало сообщение, в некоторых провинциях появились мародеры – крестьяне, не способные более жить за счет земли. Империя постепенно распадалась на общности неизвестного классической древности типа, которые со временем сольются воедино и составят новую модель – феодальную и христианскую. Но прежде чем это случится, пройдут поколения, когда новый абсолютизм будет бороться за то, чтобы дороги оставались открытыми, поля возделанными, а варвары не пересекали границ.

Тем не менее Римская империя была старой системой. Ее артерии и вены несли напряжение всего того, что выдержал и пережил древний мир. Римский мир, подобно пожилому человеку, хотел уйти на покой, чтобы в тишине и неспешности наслаждаться с философской отрешенностью теми плодами, которыми жизнь одарила более удачливые классы. Но внутренний консерватизм тревожили новые идеи, а по другую сторону тщательно охраняемых границ уже волновались и замышляли недоброе огромные массы голодных, диких людей. Характерными чертами римского мира были толерантность ко всем религиям и восприятие универсальной системы управления. Каждое поколение после середины II в. видело нарастающую слабость государства и стремление к единообразной религии. Христианство ставило вновь все те вопросы, ответы на которые вечно искал Рим, и некоторые другие, над которыми он никогда не задумывался. Хотя различия в общественном положении, со всеми их прискорбными последствиями, принимались в эти столетия – даже теми, кто в наибольшей степени страдал от них – как часть закона природы, институт рабства, охватывавший треть римского общества, не мог бесконечно долго противостоять тем новым динамичным мыслям, которые несло с собой христианство.

Чередование фанатичного распутства и строгого пуританизма, отмечавшее смену императоров, контраст между моралью в центре державы и той, которой придерживались на многих подвластных землях, порождали постоянно растущее недовольство и волнения. В то время, когда человечество, похоже, разрешило значительную часть материальных трудностей и когда высшее правительство предоставило неограниченную свободу духовному эксперименту, неумолимые силы уже пришли в движение. Не отдыхать, не останавливаться: «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13:14). Станные, необычные повороты судьбы, разрушительные для мира и порядка, но будоражащие сердца людей. Перед римской

системой лежали неизмеримые беды – нищета, кровопролитие, хаос и долгая ночь, которой было суждено опуститься на мир.

Снаружи на границы напирали грубые варвары. Здесь же, внутри, свирепые звери объединились в братство по оружию с лучшими воинами. В суматохе и неразберихе этих обществ, со всеми их злодеяниями и варварством, было больше жизни, чем в величественных достижениях Римской империи.

Мы видим, как эти силы, вздуваясь подобно наводнению у грозных плотин римского мира, не только перехлестывали через край дамбы, но и незаметно просачивались через трещины и щели, хотя все это время римляне сознавали хрупкость своего общества. Потoki новой, дикой жизни беспрерывно прорывались из Азии, волна за волной устремляясь на запад. Нелегко было получить против них превосходство в оружии. Всю защиту составляли холодная сталь, дисциплина и немного денег, необходимых для перемещения и организации армий. Все зависело от высоких качеств легионов: падают они – падает все. С середины II в. все эти разрушительные силы проявлялись четко и определенно. Люди в римской Британии на протяжении многих поколений думали, что они разгадали загадку Сфинкса. Однако они неправильно понимали значение его улыбки.

Глава IV

Затерянный остров

Нельзя понять истории без постоянного обращения к тем длительным периодам, с которыми мы то и дело сталкиваемся на опыте нашей собственной короткой жизни. Пять лет – это много. Двадцать лет – это горизонт для большинства людей. Пятьдесят лет – древность. Чтобы понять, как удар судьбы воздействует на то или иное поколение, надо прежде всего представить себе его положение и затем приложить к нему шкалу нашей собственной жизни. Так, почти все изменения гораздо менее ощутимы для тех, кто является их свидетелями, чем для тех, кто в качестве хроникера сталкивается с ними тогда, когда они уже превратились в характерные черты эпохи.

Мы всматриваемся в эти события, отделенные от нас толщей в почти две тысячи лет, через неясные телескопы исследований. Мы не сомневаемся, что II и до некоторой степени III вв. христианской эры, по контрасту с тем периодом, что был до них, и большей частью последующих эпох, стали для Британии Золотым веком. Но к началу IV в. на это несовершенное, но тем не менее достаточно благополучное общество надвинулась тень. Ощущение безопасности твердо и решительно уходило из римской Британии. Ее граждане каждодневно чувствовали, что мировая империя, частью которой была их провинция, приходит в упадок. Для них началось тревожное время.

Лопата археолога, корректирующая и расширяющая познания историков, открытие и изучение раскопок, руин, камней, надписей, монет и скелетов, не применявшиеся ранее данные аэрофотосъемки представляют нам новые сведения, в которых нельзя сомневаться. Хотя основные представления XIX в. не опровергнуты, современные знания стали более точными, более конкретными и более глубокими. Тот упор на события, их причины и хронологию, который делали писатели-викторианцы, изменился, особенно после Первой мировой войны. События, излагавшиеся ими драматически, теперь смягчены или вообще больше не привлекают внимание историков. Множество твердых классификаций и четких определений располагаются в устоявшемся порядке. Мы движемся более мелкими шагами, но по более твердой опоре. Знаменитые книги, которые их авторы писали всю жизнь и оценивали как итоговые, сейчас считаются устаревшими, а новые заключения выводятся не столько из новых точек зрения, сколько из новых открытий. Тем не менее, несмотря на открытие множества новых фактов, история остается в своих главных положениях прежней, так как основывается на простых и понятных событиях.

С конца III в., когда римская цивилизация в Британии, так же как и угроза Риму, были в зените, начались вторжения варваров из Европы и с забытого острова на запад. Скотты, которых сейчас мы назвали бы ирландцами, и пикты из Шотландии с переменным успехом давили на вал Адриана, превратив ее фланги на обоих берегах в чаши огромных весов. В то же время саксы перебрались на баркасах через Северное море и густо заселили все восточное побережье от Ньюкасла до Дувра. Начиная с этого времени сельские жители Британии жили под постоянной угрозой внезапных жестоких и кровопролитных набегов с моря, сравнимых с угрозой с воздуха для современных народов. В последние годы из земли извлечено много доказательств тому. Все они приводят к одному выводу: жизнь на виллах, на которой основывалась римская оккупация, оказалась в опасности. Мы видим признаки страха по всей стране. Кроме крепостей вдоль восточного и южного побережий и системы галер на их базе, предпринимается множество новых мер предосторожности. Стены Лондона снабжаются бастионами, камни для которых берут из жилых домов, уже не нужных в условиях сокращения городского населения. Тут и там широкие римские въездные ворота сужаются наполовину с помощью новой кладки, еще одного доказательства нарастающей опасности. По всей стране нашли множество кладов

монет, датируемых в подавляющем большинстве до 400 г. Над этим благополучным, спокойным, обустроенным миром нависло ощущение постоянной угрозы.

Подобно многим приходящим в упадок государствам Римская империя продолжала существовать на протяжении нескольких поколений после того, как ее жизненная сила уже истощилась. В течение почти ста лет наш остров был ареной противостояния умирающей цивилизации, и сильного, голодного варварства. До 300 г. вал Адриана с его гарнизонами удерживал северных дикарей, но затем пришлось создавать новую линию обороны. Вдоль всего восточного и южного побережий с большим трудом была возведена новая линия обороны с большими крепостями. Она протянулась от реки Уош до Саутгемптона. Одной из главных крепостей была крепость Ричборо, известная поколению Первой мировой войны как бесценный паромный порт для снабжения армий во Франции.

Иногда возникают споры относительно стратегической концепции, вызвавшей к жизни эти укрепления. Высказывалось много разноречивых суждений о политике тех, кто пытался защитить 400 миль побережья с помощью этих восьми крепостей. Критикующие ее явно не правы. Новый рубеж прибрежных крепостей мог иметь какую-то ценность и смысл только в качестве базы британско-римского флота.

Такой флот, Классис Британика, существовал с I в. Его постоянными пунктами были Дувр и Лимпне. Весь берег был подготовлен к обороне, и на долгое время эти меры оказались эффективными. Вегетий, писавший в IV в. об искусстве войны, упоминает особый тип легких галер, входивших в состав британского флота. Эти суда, а также паруса, одежда экипажа, даже лица были выкрашены в цвет морской волны, чтобы сделать их невидимыми, и Вегетий сообщает, что их называли «раскрашенными». По мере того как имперская и британская морская мощь постепенно уступала силе разбойников, стены крепостей росли все выше, а польза от них уменьшалась. Весельные галеры, действовавшие с баз, отстоявших друг от друга на 50-100 миль, не могли бесконечно долго справляться с ударами противника. Даже океанский флот, способный месяцами не заходить на базы, даже это мощное средство устрашения оказалось бы слишком медлительным против весельных судов, пускающихся в поход с берегов нынешних Голландии, Германии и Дании в тихую погоду.

Бритты были энергичным и смелым народом. Они не только имели свою собственную точку зрения на происходившие события, но и сами хотели участвовать в игре. Со временем римский гарнизон в Британии становился все более британским и к концу III в. приобрел явно национальный характер. Сражаясь во имя Рима и его граждан и не испытывая стремления к независимости, провинция и армия критически относились к правительству империи. Императоры, пренебрегавшие мнением Британии или приносившие в жертву ее интересы, а особенно те, кого можно было обвинить в недобросовестной защите провинции, становились объектами сильного негодования. Растущие опасности того времени усугублялись сериями мятежей и восстаний. Невозможно предположить, что римские военные центры в Честере, Йорке или Карлеоне-на-Уске выдвинули претендентов на императорскую диадему, не опираясь на существенную поддержку местного общественного мнения. Это были не просто мятежи недовольных солдат, но смелые притязания на контроль над Римской империей со стороны легионов, пусть и насчитывавших лишь несколько тысяч человек, но выражавших настроение, чувства и устремления общества, в котором они жили. Они оставили провинциальную сцену ради столичного театра. К несчастью, всякий раз они забирали с собой значительные части скудных военных сил, необходимых для защиты границ.

* * *

Император Диоклетиан вошел в историю прежде всего как преследователь ранних христиан, и затраты, которые он понес на восстановление границ империи, остались в тени. Целью

его политики было реорганизовать систему управления. Теперь должно было быть два императора и два цезаря, причем он сам становился старшим из четырех. В нужное время императоры уходят, уступая место цезарям, назначаются новые, и так сохраняется преемственность. Соимператор Максимин, посланный в 285 г. в Галлию и ответственный за Британию, был глубоко обеспокоен набегами саксов-пиратов. Он укрепил охранявший пролив флот и поставил во главе его Караузия. Жесткий, решительный, амбициозный и неразборчивый в средствах, этот человек, база которого находилась в Булони, поощрял разбойников совершать набеги и грабежи, а затем, когда они возвращались с добычей, нападал на них во главе романо-британского флота, захватывал во множестве и безжалостно уничтожал.

Его успехи не удовлетворяли британское население; его обвиняли в сговоре с теми, кого он истреблял. Он объяснял, что это часть его плана, но против него был тот факт, что все награбленное оставалось у него. Максимин попытался предать Караузия суду, но тот, высадившись в Британии и провозгласив себя императором, привлек на свою сторону ирландский гарнизон и нанес Максиминому поражение в морском сражении. После этого было решено договориться с упрямым мятежником, и в 287 г. Караузия признали одним из соправителей, отдав ему Британию и северную Галлию.

В течение шести лет этот авантюрист, имевший за собой силу в лице флота, управлял нашим островом и, как представляется, вполне сносно служил его интересам. Однако император Диоклетиан и другие соправители только поджидали удобного момента, и в 293 г. все притворное дружелюбие было отброшено. Один из новых цезарей, Констанций I Хлор, осадил и взял Булонь, главную базу Караузия на континенте, а самого Караузия вскоре убили его же люди. Появился новый соискатель на место убитого, но народ не поддержал его, и вся Британия пришла в волнение. Этим тут же воспользовались пикты. Они прорвались через вал Адриана и прошли по северным районам с огнем и мечом. Хлор поспешил на помощь, преодолев пролив. Часть войск высадилась в Портсмуте. Хлор прошел вверх по Темзе и был с благодарностью и смирением принят в Лондоне. Порядок был восстановлен. Обнаруженный под Аррасом в 1922 г. золотой медальон изображает Хлора во главе поднимающегося по Темзе флота. Он прогнал пиктов и взялся за восстановление и укрепление оборонительной системы.

В Британии делали все возможное, чтобы отразить набеги, и на протяжении двух или трех поколений наносили ответные удары силами флотилий. Римские когорты и британские вспомогательные войска то и дело выступали против вторгавшихся в страну неприятелей. Но хотя ослабление страны происходило постепенно и положение усугублялось почти незаметно, мы должны признать, что в 367 г. Британию охватил беспрецедентный ужас. В тот роковой год пикты, скотты и саксы словно сговорились действовать сообща. Они все разом обрушились на страну. Имперские войска стойко сопротивлялись. Но, несмотря на это, в обороне образовалась брешь, куда хлынули орды завоевателей. Виллы и дома сельских жителей оказались стертыми с лица земли. Об этом свидетельствуют развалины и многочисленные находки. Чудесный милденхоллский серебряный сервиз, находящийся в Британском музее, был, как считают, закопан его владельцами, когда грабители напали на виллу. Очевидно, они уже не смогли выкопать его. После этой катастрофы жизнь на виллах так и не вошла в прежнее русло. Хотя города уже пришли в упадок, все же теперь люди искали в них убежища. Там по крайней мере были стены.

Страницы истории свидетельствуют, что правительство империи неоднократно предпринимало усилия по защите Британии. Несмотря на восстания, постоянно поднимаемые неблагойдарной провинцией, сюда направлялись полководцы с войсками для восстановления порядка или отпора варварам.

После бедствия 367 г. император Валентиниан прислал на остров военачальника Феодосия со значительными силами для освобождения провинции. Феодосий выполнил поставленную задачу: об этом свидетельствует то, что мы снова обнаруживаем на береговых укреплениях

ниях следы дальнейшей реконструкции. Однако население Британии, не извлекшее никакого урока из предыдущих событий, в 383 г. предалось под власть некоего испанца, Магна Максима, провозгласившего себя императором. Собрав все немногочисленные войска, которые он смог найти, лишив вал Адриана и крепости последних солдат, Максим поспешил в Галлию и нанес поражение императору Грациану около Парижа. Грациан был убит своими же солдатами, а Максим стал хозяином не только Британии, но и Галлии и Испании. В течение 5 лет он пытался отстоять свои притязания на эти обширные владения, но сменивший Грациана Феодосии в конце концов разбил его войско и убил его самого.

Между тем вал Адриана снова оказался уязвимым, и Британия предстала беззащитной перед врагами с севера. Южные рубежи также оказались открытыми. Прошло семь лет, прежде чем Феодосии смог прислать на остров своего полководца Стилихона. Этот великий военачальник изгнал захватчиков и укрепил оборонительные рубежи. Придворный поэт Клавдиан в возвышенных выражениях описывает освобождение Британии от саксов, пиктов и скоттов в 400 г. Воспевая первое консульство Стилихона, он рассказывает, как благодарна была Британия своему освободителю. Однако вскоре чувство признательности померкло.

Стилихон возвратился в Рим и стал там во главе войск, когда в Италию вторглись вестготы во главе с Аларихом. Чтобы защитить сердце империи, Стилихону пришлось отозвать из Британии часть гарнизона. В 402 г. он разгромил Алариха в битве при Полленции и изгнал его из Италии. Но почти тут же последовало новое вторжение варваров под предводительством Радагайса. В 405 г. Стилихон разбил и этого врага. Италия была почти очищена, когда объединившиеся свевы, вандалы, авары и бургунды прорвались через границы на Рейне и захватили северную Галлию. Неукротимый Стилихон готовился отразить и это нападение, когда британская армия, недовольная тем, что провинция оставлена на произвол судьбы, подняла мятеж. Императором восставшие поставили некоего Марка, а после его скорого убийства избрали Грациана, уроженца Британии. Через 4 месяца он тоже пал от руки убийцы, и солдаты выдвинули бритта, носившего знаменитое имя Константин. Вместо защиты острова Константину пришлось остаться на континенте, отстаивая незаконно присвоенный им титул. Призвав из Британии остатки войск, он, как и Магн Максим, направился в Булонь, чтобы там испытать свою судьбу. Три года шла – с переменным успехом – его борьба со Стилихоном, но в конце концов его пленили и казнили. Никто из тех, кто поддерживал Константина, уже не вернулся в Британию. Таким образом, в те роковые годы остров оказался без защитников, часть из которых воевала на стороне Рима, а другая сражалась против него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.